

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Почтовый адрес редакции:

129626 Москва, а/я 55, Россия
тел.: + 7 495 976-4788; факс: + 7 495 977-0828
e-mail: nlo@nlo.magazine.ru
Представительство в С.-Петербурге:
тел./факс: + 7 812 314-9973; + 7 812 315-6416

Сайт издательства
«Новое литературное обозрение»
<http://www.nlobooks.ru>

Подписка по России:

в объединенном каталоге
«Почта России»:
подписной индекс 39356

«Роспечать»:
подписной индекс 47147 (на полугодие)
подписной индекс 48947 (на весь год)

Зарубежная подписка:

Kubon & Sagner: Heßstr. 39/41, 80798, München, Germany
tel.: 49 89-54-218-130; fax: 49 89-54-218-218
e-mail: postmaster@kubon-sagner.de

ISSN 0869-6365

© Новое литературное обозрение, Москва, 2007
При перепечатке материалов ссылка на «НЛО» обязательна

литературное
НОВОЕ
обозрение

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

№ 85 (2007)

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Александр Дмитриев (теория)
Мария Майофис (история)
Илья Кукулин (практика)
Абрам Рейтблат (библиография)
Оксана Тимофеева (хроника научной жизни)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Николай Богомолов (Москва)
Татьяна Венедиктова (Москва)
Томаш Гланц (Прага)
Ханс Ульрих Гумбрехт (Стенфорд)
Борис Дубин (Москва)
Виктор Живов (Москва / Беркли)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Оксфорд / Москва)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Основат (Москва / Лос-Анджелес)
Пекка Песонен (Хельсинки)
Олег Проскурин (Москва)
Роман Тименчик (Иерусалим)
Евгений Тоддес (Рига)
Александр Эткинд (Кембридж / Петербург)
Михаил Яковлевич (Нью-Йорк)

*НА ГРАНИЦАХ КАНОНА:
СОВЕТСКИЙ ТЕАТР ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ 1920-х ГОДОВ*

- ВИОЛЕТТА ГУДКОВА 151 Старинные шуты в социалистическом сюжете: образ «другого народа»
- 179 «Я иду на разрыв не от счастливых обстоятельств»: К истории несостоявшейся постановки комедии М.М. Зощенко «Уважаемый товарищ» (публ., вступ. статья и коммент. М. Котовой)

ОПЫТЫ О ТЕКСТОЛОГИИ

- НИКОЛАЙ БОГОМОЛОВ 207 Проблематизация текста как способ чтения трудных мест
- НАТАЛЬЯ ТАРАСОВА 219 Графология — биография — контекст: новое имя в черновиках к роману Ф.М. Достоевского «Подросток»

IN MEMORIAM

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПЕРМЯКОВ
(19.12.1961, с. Миасское Челябинской обл. — 12.05.2007, Ставрополь)

ПАВЕЛ НЕРЛЕР 233 Издатель Божьей милостью

АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ СУМЕРКИН
(02.11.1943, Москва — 14.12.2006, Нью-Йорк)

ИРИНА МАШИНСКАЯ 240 О Саше

*ЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ:
УКРАИНСКАЯ И РУССКАЯ
СЛОВЕСНОСТЬ*

- И. К. 242 От редактора
- МИХАЭЛА БЁМИГ 246 Между многоязычием и мультикультурностью: в поисках европейского канона (авториз. пер. с итал. М. Велижева)

ГРАФОЛОГИЯ — БИОГРАФИЯ — КОНТЕКСТ:
Новое имя в черновиках к роману Ф.М. Достоевского
«Подросток»¹

Актуальность текстологического изучения творчества Достоевского едва ли вызывает сомнения: анализ рукописей Достоевского позволяет решать многие научные проблемы, связанные с историей текста и творческой историей произведения².

Необходимость графологической экспертизы уже опубликованных рукописей вызвана подготовкой к печати записных книжек, тетрадей и рукописей для издания текстов писателя в авторской орфографии и пунктуации³ и способствовала уточнению одного чтения в записной тетради Достоевского за 1874 год⁴. Текст этой тетради был опубликован дважды — в редакции А.С. Долинина⁵ и в академическом собрании сочинений Достоевского⁶. Сопоставление рукописного текста и его публикаций позволило выявить ошибку в прочтении имени одного из героев «Подростка».

В указанной записной тетради упоминается персонаж, обозначенный в публикациях как «барон Дитрин». В заметках Достоевского этот герой появляется не один раз, и в каждом случае автор записывает совсем другое имя. Приведем контекст:

ПСС	ЛН	Рукопись
Стеб ^{льков} и после него барон <u>Дитрин</u> . (295)	(314)	Стебельковъ и послѣ него баронъ <u>Дестремь</u> . (46 об.)
Когда <u>Дитрин</u> уезжает, то Стебельков рассказывает, как им не выдали подложного векселя. (299)	(317)	— Когда <u>Дестремь</u> уѣзжаетъ, то Стебельковъ рассказываетъ какъ имъ не выдали подложнаго векселя. (48 об.)
Непрерменно Подростка взбесили несколько слов об Ахмаковой. <Далее было: Он сказал так, Дитрин> «Дитрин легкомыслен<но> сказал: “А ведь, кажется, легкая была дамочка” <...>». (308)	Непрерменно подростка взбесили несколько слов об Ахмаковой. [Он сказал так <u>Дитрин</u>] <u>Дитрин</u> легкомыслен<но> сказал, а ведь, кажется, легкая была дамочка. (325)	— Непрерменно Подростка взбѣсили нѣсколько словъ объ Ахмаковой. [Онъ ска- залъ такъ Дестрема] <u>Дестремь</u> легкомыслен<но> сказалъ<:> а вѣдь кажется легкая была дамочка! (52 об.)
<u>Дитрин</u> спрашивает. Какую это милую девочку я там встретил? <u>Стебельков</u> . Лизавету Макаровну. (308)	<u>Дитрин</u> спрашивает. Какую это милую девочку я там встретил? <u>Стебельков</u> . Лизавету Макаровну. (327)	<u>Дестремь</u> спрашиваетъ ка- кую это милую дѣвочку я тамъ встрѣтилъ. <u>Стебельк<овъ></u> Лизавету Макаровну. (53)
Стеб<ельков> про <u>Дитрина</u> : «Они под поручителя-то сами и подписались, а ростовщик векселек-то взял, денег-то им не выдал, а векселек удержал — потеха и вышла». (312)	Стеб<ельков> про <u>Дитрина</u> : Они под поручителя-то сами и подписались, а ростовщик векселек-то взял, денег-то им не выдал, а векселек удержал — потеха и вышла. (329)	Стеб. про <u>Дестрема</u> : Они подъ поручителя то сами и подписались, а ростовщикъ векселекъ то взять, денегъ то <В тексте: ты — <u>описка</u> > имъ не выдать, а векселекъ удержалъ — потѣха и вы- шла. (53 об.)

В рукописи же вместо «Дитрин» читается другая фамилия — «Дестрем».

РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 46 об.

РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 48 об.

РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 52 об.

РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 53.

РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 53 об.

РГБ. Ф. 93/1. Карт. 1. Ед. хр. 8/2. Л. 2.

РГБ. Ф. 93/1. Карт. 1. Ед. хр. 8/2. Л. 2 об.

Несмотря на то что имя записано чисто, без исправлений и вычерков, общий рисунок буквенных начертаний достаточно сложен для восприятия, и правильное чтение можно установить только при внимательном сравнении всех случаев употребления данного слова в тексте. Тогда становится ясно, что вторая буква в начертании имеет наплыв, являющийся характерным графическим элементом литеры «е» (тогда как при написании «и» основные штрихи образуют свободное внутрибуквенное пространство). Особенно четко буква «е» прописана в наброске на л. 52 об. (РГАЛИ); в остальных случаях указанный графический элемент также просматривается в большей или меньшей степени (менее всего он заметен в записи на л. 53 об.). То, что публикаторы приняли за второй основной штрих в «и», в действительности является буквой «с», за которой следует хорошо видимое во всех примерах сочетание «тр». Заключительную часть слова надо читать не как «инь», а как «емь». Предложенное чтение подтверждается особенностями начертания «е» (наплыв, заметный в записях на л. 46 об., 52 об., 53) и «м» (в этой букве Достоевский почти всегда отчетливо и крупно прописывал начальный завиток, который оказывался на одном уровне с основными штрихами — именно такое начертание «м» обнаруживается в цитированных набросках). Кроме того, при исследовании записи надо учитывать, что буква «н» (из предполагаемого и неверного чтения «Дитринъ») имеет два основных и характерный соединительный штрихи. В нашем случае ни в одном из соответствующих начертаний нет соединительного штриха, и в тексте вместо «н» с тем же успехом

можно прочесть третье «и» («Дитрини»), лишённое смысла. Таким образом, графологический анализ материала свидетельствует в пользу чтения «Дестрем».

Имя Дестрем встречается также в черновых записях конца 1874 года, отнесенных в *ПСС* к разделу «Подготовительные материалы» (16, 320 — здесь повторяется ошибочное чтение «Дитрин», которое содержится и в более ранней публикации *ЛН* — 335). В рукописи: «/Ст<ебельковъ>/ Про Дестрем<а.> Это не принято (вексель)»⁷; «При Дестремѣ выходка за Ахмакову:

— Я имѣю лично удовольствіе знать Катерину Николавну»⁸. В *ПСС* отметим еще одну неточность: вместо неясного по смыслу сочетания «выходя за Ахмакову» (речь идет о Подростке) следует читать «выходка за Ахмакову»⁹. В окончательном тексте обнаруживаем соответствие этой заметке — в диалоге князя Сергея Сокольского с Нащокиным, в который вмешиваются сначала Дарзан, а потом Подросток:

— А с похождениями, кажется, барыня! — брякнул вдруг Дарзан.

Я поднял голову и выпрямился.

— Я имею удовольствие лично знать Катерину Николаевну и беру на себя долг заверить, что все скандальные слухи — одна ложь и срам... и выдуманы теми... которые кружились, да не успели (13, 184).

Судя по содержанию записей, в окончательном тексте Дестрему соответствует Алексей Владимирович Дарзан. В первой заметке говорится о «сценах у Князя», о появлении Стебелькова и «барона Дестрема», при этом гости и хозяин обсуждают «известие о Флигель-адъютанте» (то есть слухи о женитьбе Бьоринга на Ахмаковой). Во второй наброске сообщается, что, «когда Дестрем уезжает», Стебельков рассказывает о подложном векселе. Тот же ход событий обнаруживаем в окончательном тексте (13, 182–185). Диалог о «милой девочке» Лизавете Макаровне, которую Дарзан встретил на лестнице, в основном тексте также присутствует, равно как и реплика Дарзана о «легкой дамочке» Катерине Николаевне Ахмаковой (вариант печатного текста: «А с похождениями, кажется, барыня!»). Дарзан описан следующим образом:

Это был еще очень молодой человек, впрочем лет уже двадцати трех, прелестно одетый, хорошего дома и красавчик собой, но — несомненно дурного общества. В прошлом году он еще служил в одном из виднейших кавалерийских гвардейских полков, но принужден был сам подать в отставку, и все знали из каких причин. Об нем родные публиковали даже в газетах, что не отвечают за его долги, но он продолжал еще и теперь свой кутеж, доставая деньги по десяти процентов в месяц, страшно играя в игорных обществах и проматываясь на одну известную француженку (13, 183).

Фамилия Дестрем не является плодом авторского воображения — герой, обозначенный ею в черновике, имеет прототип. Как заметил М.С. Альтман, в черновых текстах Достоевского «очень часто будущие герои еще обозначены именами своих прототипов»¹⁰ — именно такой пример оказывается перед нами. По утверждению Р.Г. Назирова,

литературная наука давно прошла ту стадию, на которой прототипам придавалось чрезмерное, чуть ли не решающее значение при исследовании художественных произведений. Но было бы неверным совсем отка-

заться от изучения прототипов, если и понимать их не как первооснову образов, а как «толчок» к работе творческой фантазии и материал для свободной разработки образов. Особенно важно оно, когда речь идет о творчестве Достоевского: изучение его записных тетрадей и дефинитивных текстов показывает, что Достоевский при создании многих характеров в своих романах отправляется от действительных событий и реально существовавших лиц¹¹.

Судя по всему, прототипом в нашем случае был человек, известный Достоевскому с 1840-х годов по Инженерному корпусу. Тот факт, что Достоевский в 1870-е годы вспоминает человека, с которым виделся в 1840-е, не удивителен: не только в романах, но и в «Дневнике писателя» имеется много биографических отсылок к прошлому и непосредственно к годам обучения в Главном инженерном училище (например, в очерке «История глагола “стусеиваться”» из ноябрьской книжки «Дневника писателя» 1877 года).

В Адрес-календаре на 1844 и 1845 годы значатся два лица, имеющие непосредственное отношение к Инженерному корпусу: Морис Гугович (Иванович) Дестрем и его сын — Владимир Морисович Дестрем¹². М.Г. Дестрем на тот момент являлся почетным членом Императорской Академии наук, находился в должности почетал-лейтенанта Инженерного корпуса и был директором Департамента рассматривания проектов и смет, членом Совета Главного управления путей сообщения и публичных зданий, а также «председателем Комитета сооружения постоянного в С.-Петербурге через р. Неву моста».

Сведения о М.Г. Дестреме имеются, кроме того, в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, где сообщается о дворянском роде Дестрем, «происходящем из Франции»: «Франц. дворянин, инженер Морис Гугович Д. (1788—1855) принят в русскую службу в 1810 г.: был инженер-ген. и председателем совета путей сообщения. Род Д. внесен во II ч. родословной книги С.-Петербургской губ.»¹³. В следующей словарной статье указано, в частности, что М.Г. Дестрем «в 1824 г. назначен был редактором “Журнала путей сообщения”. Был затем председателем совета путей сообщения. Под его надзором совершены значительные работы, между прочим по постройке Николаевской жел. дор. и моста на Неве. Кроме многих статей в “Журнале минист. путей сообщ.”, отдельно изданы: “Traité de mécanique à l’usage des élèves de l’institut des voies et communication” (СПб., 1820); “Sur le mode de transport le plus avantageux pour la Russie” (СПб., 1831; в “Ж. М. П. Сообщ.”, перевод Васильева, 1831, XXI); “Considérations générales sur les avantages relatifs des canaux et des chemins à ornières etc.” (СПб., 1831, перев. Васильева, там же); “Mémoires sur divers objets relatifs à la science de l’ingénieur” (СПб., 1835)»¹⁴.

Различные источники, имеющие отношение к истории инженерного управления в России, дают дополнительную информацию о М.Г. Дестреме. И. Фабрициус отмечает следующее:

Самостоятельных сочинений на русском языке по инженерным наукам было очень мало, большинство были переводные, что впрочем и неудивительно, если припомним об отсутствии отечественных научных сил и о предпочтении, отдаваемом в то время иностранным. Так, например, вновь основанный Институт Корпуса инженеров путей сообщения был вверен французскому инженеру — Бетанкуру; преподавание велось на французском языке Сенновером, Дестремом, Базеном и др. Некоторые воспитанники Института даже не понимали по-русски¹⁵.

О том же пишет М. Максимовский:

Не говоря уже об известном инженере времен Петра, — де-Кулоне, а потом знаменитом Минихе, у нас долгое время еще с удовольствием принимали иностранных инженеров. Между ними особенно выдаются: Прево-де-Люмиан, Девиitte, Деволан и Фан-Сухтелен, вызванные в Россию в царствование Екатерины II и заслужившие у нас известность как строители и как боевые инженеры. Иностранцев еще вызывали даже в начале XIX столетия, именно в 1808 г. были приглашены: известный французский инженер генерал Бетанкур, а за ним — капитан Сенновер и др.¹⁶

Автор очерка добавляет, что иностранцы при разных обстоятельствах оказывались в роли преподавателей:

Надо заметить, что в это время иностранцев приглашали в Россию с большою охотой, действуя при этом без особенной разборчивости. Таким образом, Сенновер явился к нам как эмигрант и желал уже заняться коммерческими делами, как ему было предложено место директора Института путей сообщения; точно так же Базимон — домашний учитель у гг. Дурново — получил в этом же Институте место профессора математики, с чином майора. После свидания императора Александра I с Наполеоном в Эрфурте, в 1809 г., были приглашены четыре инженера, бывшие воспитанники Политехнической школы: гг. Базен, Фабр, Потье и Дестрем, сделавшие впоследствии знаменитыми инженерами-строителями¹⁷.

Более подробно об иностранных инженерах, оказавшихся в России, рассказывается в историческом очерке Е. Соколовского:

13-го марта 1810 года граф Моле (Molé), главный директор мостов и дорог во Франции, адресовал к послу нашему в Париже, князю Куракину, *г. Базена* (Bazaine), инженера дорог и мостов (Ingenieur ordinaire des ponts et chaussées), которому с разрешения императора Наполеона дано позволение поступить в русскую службу.

В том же году к князю Куракину адресованы были гг. Фабр (Fabrè), инженер мостов и дорог, Потье и Дестрем, воспитанники 1-го класса Императорской школы мостов и дорог¹⁸.

Далее сообщается, что русское посольство выдало каждому приглашенному инженеру дорожное жалованье в 3000 франков. По прибытии в Россию французы были определены (21 июля 1810 года) на службу в Инженерный корпус водяных и сухопутных сообщений: Фабр и Базен — «директорами-производителями работ», Дестрем и Потье — «инженерами 2-го класса с чинами по учреждению, званиям сим соответствующими, с двойным жалованьем против того, какое имели они во Франции»¹⁹. М.Г. Дестрема, в это время находившегося в чине капитана, командировали (вместе с подполковником Базеном) «в ведение херсонского генерал-губернатора Дюка-де-Рипшельё, для составления проекта евпаторийского порта и построения гидротехнических зданий в порте одесском...»²⁰.

12 июля 1811 года М.Г. Дестрем произведен в чин майора; в марте 1812 года — командирован к генералу Бетанкуру; 13 июня 1812 года

французские инженеры получили от французского посла в России, графа Лористона, уведомление о начале войны России с Францией и приглашение возвратиться в свое отечество. <...> Однако ж они были удержаны в России и отправлены на жительство в г. Ярославль, а в ноябре месяце

1812 года, по распоряжению Министерства внутренних дел, переведены в Иркутск, где получали уже только ординарное содержание по чинам; по ходайству г. Бетанкура, после уплачено им было содержание по условию²¹.

По окончании войны французов «удерживали» другими способами: 14 июня 1815 года российский император утвердил решение «об оставлении *только* в российской службе вызванных из Франции инженеров подполковников Фабра и Базена и майоров Потье и Дестрема с пожалованием двух последних подполковниками со старшинством с 12 июля 1812 г. и с уравнением в содержании с двумя первыми»²². С указанной последней даты двойной оклад М.Г. Дестрема составлял 6600 франков²³. Находясь в России, французские инженеры сделали успешную карьеру: как замечает автор очерка, «имя г. Дестрема еще недавно стояло в главе списка Инженерного корпуса с званием инженер-генерала, с репутацией ученого инженера, опытного искусного строителя и деятельного администратора. Нет еще и 3-х лет (напомним, что цитируемые строки относятся к 1859 г. — *Н.Т.*), как Корпус инженеров имел несчастье потерять этого отличного генерала»²⁴.

Другие источники содержат гораздо более скудную информацию о сыновьях М.Г. Дестрема, не достигших впоследствии такого значительного профессионального успеха, как их отец, и потому не вызвавших серьезного интереса биографов и историков. В «Алфавитном списке военным чинам Корпуса путей сообщения» (1839) говорится, что Дестрем-второй (Владимир Морисович) в указанное время учился в Институте Корпуса инженеров путей сообщения и состоял в чине подпоручика; его младший брат — Дестрем-третий (Дмитрий Морисович) — также обучался в Институте и имел чин прапорщика²⁵. Уточняющие детали обнаруживаем еще в одном документе, согласно которому Владимир Морисович Дестрем вступил в службу в 1836 году, в чин подпоручика произведен 13 мая 1837 года; Дмитрий Морисович вступил в службу годом позже и с 13 мая 1837 года находился в чине прапорщика²⁶.

Что касается Владимира Морисовича, то, по Адрес-календарю, в 1844 году капитан В.М. Дестрем числится в чертежной Инженерного департамента «офицером для занятий»²⁷. Как известно, в августе 1843 года Достоевский по окончании полного курса в Главном инженерном училище был зачислен «при С.-Петербургской инженерной команде, с употреблением *при чертежной* Инженерного департамента» (курсив мой. — *Н.Т.*)²⁸, о чем он сам говорит в письме брату Михаилу в январе 1844 года: «Пишешь, что не знал моего адреса. Но, милый мой, ведь ты знал, что я служу в чертежной Инженерного департамента» (28-1, 85). Через год, в августе 1844 года, Достоевский подает прошение об отставке, которое было удовлетворено в октябре²⁹. Таким образом, в 1844 году Достоевский мог видеться с В.М. Дестремом по месту общей службы — приведенные факты делают этот вывод обоснованным.

Стало быть, прототипом Алексея Владимировича Дарзана был Владимир Дестрем. В окончательном тексте романа «Подросток» исчезает прямое указание на Дестрема, но содержится авторская отсылка к прототипу: отчество Дарзана — Владимирович.

* * *

Важно установить связь прототипа с художественным образом. М.С. Альтман, подобно Р.Г. Назирову, замечает, что «прототип есть лишь прообраз, от

которого художник получает первоначальный импульс, первый творческий толчок»³⁰. Вместе с тем М.С. Альтман справедливо подчеркивает, что «след прообраза все же всегда сохраняется, и художник иногда не хочет и никогда не может его окончательно скрыть»³¹. Образ Дарзана в романе «Подросток» хоть и не прописан подробно, но получает вполне определенные характеристики: молодой человек «хорошего дома», но имеющий дурную репутацию — игрок и мот, вынужденный оставить престижную службу «в одном из виднейших кавалерийских гвардейских полков» и тем не менее ведущий светский образ жизни, свидетельствующий с князем Сергеем Сокольским. Стебельков, который рассказывает о том, как Дарзан подделал вексель на восемь тысяч «под поручителя», называет последнего «барчком» (13, 185). В другом месте Подросток, говоря о тех, кто проводит время в игорных домах, использует собирательные определения: «"гремящая" молодежь из высшего света», «светские сорванцы» (13, 228). В романе Дарзан и Подросток сопоставляются именно как *не равные по социальным возможностям*.

При знакомстве с Дарзаном Аркадий, всем объясняющий, что он «незаконный сын <...> бывшего барина, господина Версилова» (13, 8), болезненно реагирует на обращение «князь» (13, 184–185).

Неоднократно на протяжении всего повествования Подросток сравнивает себя с лакеем. Так, вспоминая о пребывании в пансионе Тушара, герой заявляет: «Тушар бил меня и хотел показать, что я — лакей, а не сенаторский сын, и вот я тотчас же сам вошел тогда в роль лакея» (13, 268). В другом эпизоде, после скандальной сцены в игорном доме с шулером Афердовым, Подросток пытается сесть в сани с князем и Дарзаном:

— Я с вами, князь, и к вам! — крикнул я, схватил полость и отмахнул ее, чтоб влезть в его сани; но вдруг, мимо меня, в сани вскочил Дарзан, и кучер, вырвав у меня полость, запахнул господ.

— Черт возьми! — крикнул я в испуге. Выходило, что будто бы я для Дарзана и отстегивал полость, как лакей (13, 233–234).

В диалоге с Лизой герой вновь говорит о неравенстве:

...мы — не дворяне, а он — князь и делает там свою карьеру; он нас, честных-то людей, и слушать не станет. Мы — даже и не братья с тобой, а незаконнорожденные какие-то, без фамилии, дети дворового; а князя разве женятся на дворовых? О, гадость! <...> А сколько я вынес позору, и как этот князь должен был меня презирать! О, мне теперь всё ясно, и вся эта картина передо мной: он вполне вообразил, что я уже давно догадался о его связи с тобой, но молчу или даже подымаю нос и похваляюсь «честью» — вот что он даже мог обо мне подумать! И за сестру, за позор сестры беру деньги! <...> А я-то, я-то нахально разваливался у него на диванах и лез, как ровня, к его знакомым, черт бы их взял! И ты всё это допустила! Пожалуй, и Дарзан теперь знает, судя по крайней мере по тону его вчера вечером... (13, 237–238).

Во многих репликах Подростка чувствуется обида на несправедливость жизни, в которой «"гремящая" молодежь из высшего света» процветает при любых обстоятельствах, а «дети дворового» терпят унижения. Эта тема — конечно, в несколько ином виде — представлена и в письмах молодого Достоевского. В.С. Нечаева обратила внимание на письмо Достоевского к отцу от 4 февраля 1838 года (в это время будущий писатель уже находился в Главном инженерном училище). Автор письма «сообщал глубоко возмущивший его факт»³²:

Вам должно быть известно из последних писем брата насчет того, что он представлялся Геруа и Труссону — своим будущим генералам. Они приняли его отменно ласково, как уже поступившего в службу: следственно, это решение несомненно и сомневаться нечего. Труссон обещал также брату стараться о нем при определенье в офицеры, и можно надеяться, что он сдержит свое обещанье. Недавно я узнал, что уже после экзамена генерал постарался о принятии четырех новопоступающих на казенный счет кроме того кандидата, который был у Костомарова и перебил мою ваканцию. Какая подлость! Это меня совершенно поразило. Мы, которые бьемся из последнего рубля, должны платить, когда другие — дети богатых отцов — приняты безденежно (28-1, 47)³³.

Дополним данное высказывание другими, звучащими именно в конце 1830-х — первой половине 1840-х годов. В письме к отцу от 30 октября 1838 года Достоевский с горечью говорит о своем второюродничестве³⁴: «Наш экзамен приближался к концу; я гордился своим экзаменом, я экзаменовался *отлично*, и что же? Меня оставили на другой год в классе. <...> В 100 раз хуже меня экзаменовавшиеся перешли (*по протекции*). Что делать, видно, сам не прошибешь дороги» (28-1, 52). Этим мыслям созвучно заявление А.И. Савельева, в годы учения Достоевского бывшего ротным офицером в Главном инженерном училище:

...на Федора Михайловича имели нравственное влияние тогдашние внешние и внутренние события и лица, его окружающие. Сохраняющий в сердце своем чувства высокой честности, он рассказывал мне свое глубокое негодование на некоторых начальников, грабивших и возмущающих солдат тогдашней продолжительной службы, например, генералов Батурина, Тришатного (впоследствии разжалованного в рядовые), кн. Дадьяна, зятя командовавшего войсками барона Розена, на Кавказе. Кн. Дадьян был разжалован в рядовые и посажен в крепость Бобруйск. <...> Федор Михайлович знал имена начальников в войсках на войне и на гражданском поприще, которые получали награды не по заслугам, а благодаря родству и связям с сильными мира сего³⁵.

Обратим вниманис еще на два факта, имеющих непосредственное отношение к интересующему нас времени — 1844 году. Это небезызвестные письма Достоевского к П.А. Карепину по поводу наследственного имения. В августовском письме автор поясняет свое решение о выходе в отставку: «Причина такого переворота в судьбе моей заключалась в критическом положении моем насчет денег. Видя естественную невозможность получить откуда-нибудь помощь, я не знал, что придумать лучше» (28-1, 92)³⁶. Далее следует с обидою высказанное: «Человек может сгнить и пропасть, как пропавшая собака, и хоть бы тут были братья единокровные, так не только своим не поделятся (это было бы чудом, и потому на это никто не хочет надеяться, потому что не должен надеяться), но даже и то, что по праву бы следовало погибающему, стараются отдалить всеми силами и всеми способностями, данными природою, а также и тем, что свято» (Там же). Достоевский здесь довольно резок в выражениях, направленных в адрес опекуна, предпочитающего поддерживать бедствующего молодого человека «советами и представлениями», в то время как автор письма сообщает о том, что ему предстоит «командировка на крепость», но безденежье и непосильные долги скорес приведут его в тюрьму — не лучшее начало офицерской карьеры. В письме П.А. Карепину от 7 сентября 1844 года содер-

жится еще одна красноречивая реплика: «Долги, превышающие состояние, простятся богачу. Даже в иных случаях на это обстоятельство везде смотрят с уважением. Бедняку дают щелчка» (28-1, 95). Приведенные цитаты из писем Достоевского конца 1830-х — первой половины 1840-х годов и тематически, и даже стилистически (обилие эмоционально-экспрессивной лексики, восклицательные конструкции) близки высказываниям главного героя в романе «Подросток»: в них выражена та же горечь и обида юноши, униженного обстоятельствами жизни, фактически оставшегося без отца и не находящего понимания у родных³⁷.

Вместе с тем установленное нами имя Дестрем, содержащееся в черновиках к роману, позволяет представить, как *рождался* образ аристократа, баловня судьбы, обязанного безмятежной и обеспеченной жизнью своему благородному семейству и знатному происхождению. Видимо, в период пребывания на службе в Инженерном корпусе именно такие ассоциации вызывал у Достоевского Владимир Дестрем — хоть и не «сенаторский сын», но сын высокого сановника, находившийся под опекой и защитой собственного родителя.

Безусловно, в пространстве романа этот прообраз трансформируется: Дарзан представлен как человек, от которого почти уже отказались родственники, не желающие расплачиваться за его долги. Впрочем, упоминание об игре также может основываться на реальных обстоятельствах 1840-х годов — и здесь мы уже должны учитывать сведения, касающиеся биографии самого Достоевского. По крайней мере, из воспоминаний А.Е. Ризенкампа (жившего с Достоевским по соседству с осени 1843-го и в 1844 году) следует, что Федор Михайлович проигрывал часть своих средств на бильярде³⁸. Кроме того, О.Ф. Миллер сообщает о таком эпизоде:

К 1-му февраля 1844 года Федору Михайловичу выслали опять из Москвы тысячу рублей, но уже к вечеру в кармане у него, по свидетельству г. Ризенкампа, оставалось всего сто. На беду, отправившись ужинать к Доминику, он с любопытством стал наблюдать за бильярдной игрой. Тут подобрался к нему какой-то господин, обративший его внимание на одного из участвующих в игре — ловкого шулера, которым была подкуплена вся прислуга в ресторане. «Вот, — продолжал незнакомец, — домино так совершенно невинная, честная игра». Кончилось тем, что Федор Михайлович тут же захотел выучиться новой игре, но за урок пришлось заплатить дорого: на это понадобились целых двадцать пять партий, и последняя сторублевая Достоевского перешла в карман партнера-учителя³⁹.

Сцена наблюдения за игрой и упоминание шулера вызывают аналогию с романным эпизодом, в котором Подросток оказывается в игорном доме и сталкивается за рулеткой с «вором Афердовым». Этот пример подтверждает идею Р.Г. Назирова:

Судя по черновикам его [Достоевского] романов, а также по остаточным проявлениям процесса сюжетосложения в дефинитивных текстах, именно впечатления действительности, текущая история нравов, скандалы и выразительные социальные типы являются истоком всего творческого процесса Достоевского. Однако происходящая затем философская символизация сюжетов и человеческих типов перестраивает почти всегда первоначальный сюжет и требует новых реалий, которые зачастую подыскиваются писателем уже в ходе написания романа⁴⁰.

Отметим и то, что Дарзану в романе постоянно сопутствует другой герой — князь Сергей Сокольский. По точному наблюдению Г.Я. Галаган, «в рассуждениях молодого Сокольского в подготовительных материалах есть существенный момент, не отраженный в основном тексте. Сознвая собственное “разложение”, он “поражается” личностью Макара, говорит о необходимости начинать изменения с себя и добавляет: “Тогда я *настоящим князем* буду” (XVI, 242; курсив комментатора. — *Н.Т.*). Древняя княжеская фамилия — Сокольский — отнюдь не вводит его в круг “истинного”, “настоящего” дворянства, той “тысячи”, о которой столь часто говорит Версиков»⁴¹. Это тем более важно, поскольку, как показывает исследователь, прототипом Сокольского мог быть князь Всеволод Алексеевич Долгорукий, публиковавший работы по истории своего рода и вместе с тем осужденный в 1870 году за участие в мошенничестве. По мысли Г.Я. Галаган, данная история «подтверждает характерность тех симптомов “разложения” в среде дворянства, о которых свидетельствует Достоевский образом молодого Сокольского (следует добавить — и образом Дарзана-Дестрема. — *Н.Т.*). Симптоматично и то, что именно княжеской фамилией — Долгорукий, скомпрометированной одним из ее реальных носителей, наделяется в романе герой, олицетворяющий все лучшее в русском народе»⁴². Так тема социального неравенства, присутствовавшая в размышлениях Достоевского в 1840-е годы и отраженная в романе, соединяется с темой «истинного дворянства» и народа, гораздо более существенной для творчества Достоевского в целом.

В связи с этим обратим внимание на еще одну запись из черновой тетради: «— Ах, друг мой, Дворянства у нас нет, а может быть, и никогда не бывало»⁴³. В рукописном тексте, в отличие от публикаций (*ЛН* — 303; *ПСС* — 16, 282), слово «Дворянство» — с заглавной буквы. Такое начертание указывает на особое смысловое наполнение самого понятия «дворянство». Реплика принадлежит Версикову, и ее содержание проясняется в более широком контексте рассуждений. Черновая запись отражена в окончательном тексте в следующих строках из диалога Версикова с князем Сергеем Сокольским:

— Я хотел только сказать, что ваша идея о дворянстве есть в то же время и отрицание дворянства, — сказал князь.

— Ну если уж очень того хотите, то дворянство у нас, может быть, никогда и не существовало (13, 178).

В том же диалоге Версиков поясняет свое представление о дворянстве, и становится понятным, почему в черновой заметке соответствующее слово записано с заглавной буквы:

Но русский тип дворянства никогда не походил на европейский. Наше дворянство и теперь, потеряв права, могло бы оставаться высшим сословием, в виде хранителя чести, света, науки и высшей идеи и, что главное, не замыкаясь уже в отдельную касту, что было бы смертью идеи. <...> Пусть всякий подвиг чести, науки и доблести даст у нас право всякому прикнуться к верхнему разряду людей. Таким образом, сословие само собою обращается лишь в собрание лучших людей, в смысле буквальном и истинном, а не в прежнем смысле привилегированной касты (13, 177–178).

Понятие «Дворянство» в указанном орфографическом оформлении принимает высокий смысл — в нем выражена авторская мечта о «лучших людях», не только переданная через Версикова в романе «Подросток», но

прозвучавшая и в форме открытого публицистического обращения к читателю в «Дневнике писателя» 1876—1877 годов⁴⁴.

Изложенные здесь текстологические факты достаточно ясно говорят о проблемах, существующих в современном Достоевсковедении. Как представляется, нам нужно больше внимания уделять контекстуализации смыслов, открывающихся при новом взгляде на историю текста, особенно если учитывать многоликость авторских проявлений в произведении и сложное взаимодействие биографического и художественного начал в самом процессе развития творческого замысла от черновиков к тому, что мы называем «окончательным текстом». Несомненно, науке о Достоевском необходимы текстологические дискуссии, подобные тем, которые уже многие десятилетия ведут пушкиноведы, — и это не только полемика о форме и содержании академического издания, но и споры более частного значения (посвященные анализу «трудных чтений», особенностей творческого процесса автора и т.д.). Только так — через совместный поиск истины — мы сможем решить более масштабные проблемы корректного *чтения, комментирования и публикации* текстов Достоевского.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 05-04-04102а.
- 2 См., например, следующие работы: *Рак В.Д.* Уточнение одной записи в тетради 1875—1876 гг. // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 267—271; *Тихомиров Б.Н.* Неизвестный набросок Достоевского к неосуществленному замыслу (<<Статьи об отношениях России к Европе и об русском верхнем слое>>) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2000. Т. 15. С. 334—339; *Тарасова Н.А.* Неопубликованный отрывок рукописи к «Дневнику писателя» за 1876 год (Подготовительные материалы) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 16. С. 303—319; *Она же.* Неизвестный источник «Дневника писателя» 1876 г. и романа «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. СПб.; М., 2001. № 16. С. 215—221.
- 3 *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: Канонические тексты / Под ред. проф. В.Н. Захарова. Петрозаводск, 1995 — (продолжающееся издание; в настоящее время сдан в печать седьмой том, который содержит критически выверенный текст романа «Преступление и наказание» и новые источниковедческие и лингвотекстологические комментарии).
- 4 РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 11.
- 5 Ф.М. Достоевский в работе над романом «Подросток»: Творческие рукописи / Публ. и коммент. А.С. Долинина. М., 1965. (Литературное наследство; т. 77; далее — *ЛН*, с указанием страницы в тексте).
- 6 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 16: Подросток. Рукописные редакции (далее — *ПСС*, с указанием тома и страницы в тексте).
- 7 РГБ. Ф. 93/1. Карт. 1. Ед. хр. 8/2. Л. 2.
- 8 РГБ. Ф. 93/1. Карт. 1. Ед. хр. 8/2. Л. 2 об. См. последние две иллюстрации в приведенной выше подборке.
- 9 Вариант *ЛН* содержит большее количество ошибок, чем вариант *ПСС*, — в *ЛН* первая часть приведенной фразы почти полностью прочитана неверно:
«При Дитрине выход застрелиться.
Я имею лично удовольствие знать Катерину Николаевну» (335).
- 10 *Альтман М.С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975. С. 8.

- 11 *Назирова Р.Г.* О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 202. Ср.: «Так называемые прототипы (в применении к Достоевскому, как мы пытались показать, о них можно говорить лишь условно) служат писателю своеобразным трамплином, отталкиваясь от которого он вырабатывает свою философско-художественную интерпретацию действительности» (*Назирова Р.Г.* Герои романа «Идиот» и их прототипы // Русская литература. 1970. № 2. С. 123).
- 12 Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1844 год: В 2 ч. СПб., 1843. Ч. 1. С. 281, 284, 294; Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1845 год: В 2 ч. СПб., 1844. Ч. 1. С. 286, 288, 298.
- 13 Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1893. Т. XA (полутом 20). С. 487.
- 14 Там же.
- 15 *Фабрициус И.* Военно-инженерное ведомство в царствование императора Александра I. Очерк первый: Инженерное управление и его средства. СПб., 1903. С. 211.
- 16 *Максимовский М.* Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819—1869. СПб., 1869. С. 20.
- 17 Там же. М.Г. Дестрем также упоминается среди преподавателей Института Корпуса инженеров путей сообщения в публикации воспоминаний одного из выпускников Института, см.: Воспоминания Константина Карловича Жерве / Предисловие Виктора Жерве // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. 1898. Май. С. 431.
- 18 *Соколовский Евг.* Пятидесятилетие Института и Корпуса инженеров путей сообщения: Исторический очерк. СПб., 1859. С. 92.
- 19 Там же. С. 93.
- 20 Там же.
- 21 Там же. С. 94.
- 22 Там же.
- 23 Там же. С. 95.
- 24 Там же. С. 95—96.
- 25 Алфавитный список военным чинам Корпуса путей сообщения. По генваря 1839 года. СПб., 1839. С. 13, 15 (втор. пагин.).
- 26 Список генералитета, штаб и обер-офицеров Корпуса инженеров путей сообщения. По генваря 1839 г. СПб., 1839. С. 75, 84. Для сравнения: Достоевский был зачислен в Главное инженерное училище в 1838 году; в августе 1841 года он производится из кондукторов в полевые инженеры-прапорщики, а чин подпоручика получает через год (см.: *Якубович И.Д.* Достоевский в Главном инженерном училище (Материалы к летописи жизни и творчества писателя) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 185—186).
- 27 Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1845 год: В 2 ч. СПб., 1844. Ч. 1. С. 288. В Адрес-календаре на 1868 год обнаруживаем сведения о Дмитрии Морисовиче Дестреме, втором сыне М.Г. Дестрема, имевшем в указанное время чин коллежского советника, звание камер-юнкера и бывшем мировым судьей по Калужскому уезду (Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1868 г.: В 2 ч. СПб., 1867. Ч. 2. Стб. 523; та же информация повторяется в Адрес-календаре на 1869 год. СПб., 1868. Ч. 2. Стб. 535). В отношении Д.М. Дестрема меньше оснований полагать, что Достоевский мог знать этого человека, а тем более видеться с ним в 1840-е годы в период пребывания в Инженерном корпусе.
- 28 Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: В 3 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 1993. Т. 1. С. 84.
- 29 Там же. С. 93.
- 30 *Альтман М.С.* Достоевский. По векам имен. С. 7.

- 31 Там же.
- 32 *Нечаева В.С.* Ранний Достоевский. 1821—1849. М., 1979. С. 65.
- 33 См., кроме того: *Марцинич А.Б.* Кондукторские годы Достоевского в Главном инженерном училище. Дополнение к «Летописи жизни и творчества...» // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2005. Т. 17. С. 304.
- 34 Подробнее об этом см.: *Якубович И.Д.* Достоевский в Главном инженерном училище (Материалы к летописи жизни и творчества писателя). С. 183—184.
- 35 *Савельев А.И.* Воспоминания о Ф.М. Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 169. Нечто подобное отмечает и Жерве, говоря об Институте Корпуса инженеров путей сообщения, где преподавал М.Г. Дестрем: «Не помню, за проказы или по жалобе одного из профессоров, нас, нескольких человек, посадили под арест — в карцер, как называли две огромные светлые комнаты, запиравшиеся на ключ. В числе арестованных были: князь Голицын, граф Ностиц, барон Лилиенфельд, Колокольцев, Голохвастов и др. — все богачи с огромными средствами. Все сторожа были подкуплены этими господами и слепо исполняли их приказания. Майор Трипольский, имевший надзор за оставшимися арестованными воспитанниками, вероятно, чтобы не иметь неприятных столкновений с родственниками молодых аристократов и богачей, держался весьма практичной политики и навещал арестованных только тогда, когда знал, что все в порядке. Не прошло и получаса после ареста, как нам всем накрыли в карцере хорошо сервированный стол, с прислугою тех же господ и официантами; кушанье было изысканное, лилось вино и шампанское, пели, курили и пр. Ко времени сбора воспитанников к вечерним классам все было убрано, и мы все пошли в классы как ни в чем не бывало, только немного веселенькие. После вечерних занятий мы напились чаю с такою же роскошью; затем нам подали несколько саней этих же господ, и мы уехали. Остаток ночи провели в том же роде, и это удовольствие компании обошлось более 800 рублей. Только к 5 ч. утра мы вернулись в свой карцер.
- Все эти проделки были вне моих правил, и я придумывал средства вырваться из подобной обстановки» (Воспоминания Константина Карловича Жерве / Предисловие Виктора Жерве // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. 1898. Май. С. 431—432).
- 36 О причинах, побудивших Достоевского выйти в отставку, см.: *Волгин И.* Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М., 1991. С. 277—278.
- 37 Ср.: «Как некогда отец, он (Ф.М. Достоевский. — *Н.Т.*) остается один — в незнакомом городе, без связей и знакомств, скованный жесткими требованиями воинской дисциплины»; «Те материальные и сопряженные с ними нравственные стеснения, о которых он повествует в письмах к отцу и брату, отнюдь не досужий плод его юношеских фантазий. Он действительно принужден отказываться от многих благ, которыми походя пользуются его более обеспеченные соученики» (*Волгин И.* Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. С. 240; 248—249).
- 38 *Ризенкампф А.Е.* <Воспоминания о Ф.М. Достоевском в записях и пересказе О.Ф. Миллера> // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 189.
- 39 Там же. С. 190—191.
- 40 *Назирова Р.Г.* О прототипах некоторых персонажей Достоевского. С. 219.
- 41 *Галаган Г.Я.* Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 17. С. 309.
- 42 Там же. С. 310.
- 43 РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 40 об.
- 44 См.: *Галаган Г.Я.* Проблема «лучших людей» в наследии Ф.М. Достоевского (1873—1876) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 12. С. 99—107.